

— В следующий раз надо идти заниматься в лес, — почёсывая бестолковку, вслух размышлял я.
— Тетя Роза — баба, конечно, хорошая, но больно уж горластая. И как с ней муж живёт, не оглохнув?

Придя домой, я быстренько разжёл в очаге огонь с помощью кусочка лакримы. Малюсенький кристаллик обошёл мне, как две полноценные ходки до города, где я продавал травы. Да, как оказалось позднее, меня хорошо так с ценой нагрели, но, что поделать? Тоже опыт. Да и больно уж интересно мне было тогда притронуться к здешней магии. Даже этот маленький кусочек занял меня на долгое время, заставив мои мозги поработать, так что с моей точки зрения — обмен равноценный. А того торговца, что догадался у сироты редкие травы на “стеклянные бусы” обменивать, потом, говорят, монстры задрали. Карма...

Подвесив над огнём чайник, я стал рассматривать развешанные на потолке пучки трав. Сегодня предстоит много дел, так что сил мне понадобится немало. Пожав плечами, решил делать, как и всегда — довериться чутью. Оно меня ещё ни разу не подводило.

Прикрыв глаза, сосредотачиваюсь на обонянии. На “передний план” сразу вышли горьковатые “нотки” пижмы, которая была ближе всех, эдакий “лекарственный” аромат ромашки, горько-сладкий флёр “мать-и-мачехи”, непередаваемый запах листьев одуванчика...

На самом деле названия у них совсем другие, да и схожесть весьма отдалённая. К сожалению, деревенские довольно осторожны в вопросах, касающихся леса. Здесь чащоба может скрывать не только волков, медведей и змей, но и множество куда более опасных существ... и даже растений. Поэтому местные охотники стараются придерживаться проверенных троп и маршрутов, где шанс натолкнуться на какую-нибудь страхолюдину — меньше. Пока ничего серьёзного в лесах не заведётся, местный губернатор и не почешется — зачем нанимать магов ради стаи волков или медведя? Они вообще в лесу сидят и никого не трогают, вот и вы туда не лезьте. Так и живём.

Поэтому с травничеством здесь получилось интересно. С одной стороны — местная знахарка знала многое о растениях, что росли в “безопасной зоне”, а с другой — очень мало о флоре вне её. Почему-то семена из опасных участков прорастали крайне неохотно на другой земле. Учитывая же, что и живность там более... магическая, то вывод очевиден — они питаются магией. И больше её становится при приближении к горам. В моём старом мире считалось, что в горах “жилы” планеты на поверхность выходят. Там их называли лей-линиями, драконьими венами, местами силы. Как дела обстоят с этим здесь — не представляю. Но чем ближе к горе, тем гуще и опаснее лес — факт..

Таким образом, в вопросе диких растений с “тех” участков мне во многом пришлось быть первопроходцем. Позднее ситуацию смогли выправить различные справочники и книги, но это произошло сильно позже. К счастью, староста дедом оказался мировым и читать научил. Он всех деревенских детишек старается грамоте учить, но... дети же. Так что успех у него переменный. Про родственников у него и его жены не слышал, а специально спрашивать не стал. Видимо выплёскивают нерастраченную заботу на всех подряд. Хорошая пара, мудрая и добрая...

Продолжая приноживаться, начинаю медленно проходить мимо пучков трав. Погасив мысли, я пытаюсь воссоздать то ощущение “созерцания”, что иногда получается ловить во время медитаций или практик цигуна. К сожалению, чем больше желание его вызвать, тем труднее. Парадокс? Вовсе нет. Для входа в “созерцание” нужно определённое состояние сознания, когда разум начинает работать по-другому — в гармонии с духом, телом и ... всем остальным. Честно говоря, все нюансы мне неизвестны, я просто пытаюсь нащупать “путь” методом тыка. Самоучка, что поделать. Да и отличия между двумя мирами мне неизвестны.

Итак, одним из ключей к “миру запахов и красок” является безмятежность. Необходимо “отпустить” все проблемы, все задачи, все переживания и устремления и просто... быть. Именно для этого приходится “наблюдать за мыслящим”, отстраняя себя от внутреннего голоса. На английском, насколько я помню, это состояние называлось “Oneness” — “Единство”. На самом деле трудно каким-то определённым словом выразить вещи другого порядка. Уж точно не словами. Язык — слишком ограниченный для этого инструмент.

К сожалению, в этот раз не получилось достигнуть “созерцания”, но я не расстраивался — не боги горшки обжигают. Хотя, в этом мире могут... Интересная теория, но проверять её я бы не стал. Хотя мне и интересно, какие горшки может обжигать Анкселам...

Итак, проходя по разным “секциям”, в которых были сгруппированы “созвучные” травы и корни, я пытаюсь найти то, что сегодня вызвало во мне отклик. Проходя мимо “горьковато-лекарственных” замираю и, не глядя, достаю из пучка пару понравившихся соцветий тысячелистника. Прислушавшись уже конкретно к ним, довольно киваю — оно. Идём дальше.

Иногда останавливаясь около пучков и выбирая те части, что мне нравились больше всего, я собрал себе всего пять трав: соцветия тысячелистника, корни цикория и имбиря, веточки душицы и сушёные ягоды земляники. Сложив их все в ладонях, глубоко вдыхаю, чтобы проверить их “созвучие”. Оставшись довольным результатом, бегу к закипающему чайнику — вовремя.

Завтрак мой был довольно скудным: краюха ржаного хлеба, молодой зелёный лучок с грядки за домом, редисочка оттуда же, соль, кусок сыра и, конечно же — травяной сбор. Не бог весть что, но мне этого достаточно. Если что, то в лесу найдётся, чем поживиться.

Позавтракав и выпив чаю, заворачиваю в закуток у стены, покрытый тканью. Подняв ту, задумчиво скребу затылок — сорняки я вчера пропалывал, так что сегодня можно этот момент опустить. Беру из кучки инструментов лейку, купленную у торговцев, и выхожу из дома — к бочке. Махнув выползающим по делам селянам, набираю воду и, не спеша, чтоб не пролить, плетусь за дом.

Огород у меня небольшой — всего пяток грядок, на которых растут овощи и травы. Злаковые сам не выращиваю — лишь иногда помогаю кому-нибудь на полях за небольшую долю урожая. Мне-то много не надо, а лишние руки — это лишние руки. На полях их много не бывает.

На одной, самой обширной, растут различные лекарственные травы, которые у меня смогли

прижиться. Засевать их стараюсь самыми “ходовыми” видами, которые проще продать в ближайшем городе. Кроме них здесь растут те травы, что чаще всего нужны селянам — противовоспалительные, антипростудные, обеззараживающие и общеукрепляющие. Их я обмениваю на сыр, молоко, масло, пух и перья... на многое, в общем. Хотя, как “обмениваю” — просто отдаю тем, кому это надо. А когда человек поправится, то и меня чем-то благодарят: “ой, у нас тут лишняя головка сыра оказалась, держи, Ичия.” Хорошие тут люди, всё-таки. К тому же, я точно знаю, что местный знахарь — бабка Асука(с местного псевдояпонского “аромат”. Красивое имя, но удержаться от весёлого хмыка до сих пор не могу) — частенько простывших ко мне отправляет. К ней я периодически бегаю “мудрости набираться”, да помогаю с домашними делами: воды натаскать, дров нарубить, крышу починить... Вот и мне это добро возвращается.

На остальных грядках у меня “клиенты” попроще растут: местные аналоги корнеплодов(морковки, картошки, свёклы, редиса), зелени(петрушки, лука, чеснока, укропа, салата...) и всего остального(огурцов, кабачков, помидоров...).

Хм, как, оказывается, много у меня растёт. Был бы обычным ребёнком — сам такое бы не потянул. Даже если не брать в расчёт тот факт, что детишки в этом мире посильнее будут. Виновато ли в этом большое количество энергии, разлитое повсюду, насыщенные ей же вода и еда — не знаю. Но люди тут явно покрепче будут. Да и люди ли?

Как и в моём прошлом мире тут есть легенды о всяких дюже сильных существах, что превращались в людей и шли с ними жить. Общие потомки у них тоже имелись. Учитывая же тот факт, что тут и боги живут... А также есть различные ритуалы и практики, которые довольно сильно меняют “суть” человека. Претч, он же Аид — не даст соврать. Да и любые маги достигшие S-ранга уже имеют отличия от людей, а богоизбранные — и подавно. Не думаю, что тот древень, который был одним из основателей “Хвоста Феи”, вообще хоть какое-то отношение к человеческому роду теперь имеет. Не могу его имя вспомнить...

Ладно, оставим это. А то я снова начну любопытствовать о том, кто, с кем и как ложе делил в моём семейном древе. Ибо маленький рост, крайне острый нюх и тёмно-красные волосы — это очень интересный набор. Спросить не у кого — меня нашли в соседней, ныне исчезнувшей, деревеньке. Над ней видели круг из странных облаков в форме обруча, что указывает на Аниму, но... а я там как оказался? Может, я иксид? Мне придётся искать любительниц кошкомальчиков? Или заглядываться на иксидок?.. Нет, пожалуй, я за налаживание межвидовых связей. Если кто-то будет спрашивать, то у меня дипломатическая миссия.

Другой вариант: много поколений моих предков использовали определённую ветвь магии. В теории организм мог постепенно адаптироваться, и уже следующее поколение было бы более приспособленным именно к этой практике. Опять же — не могу никак подтвердить или опровергнуть.

Так, о чём это я? Ах, да, грядки... Сделав несколько ходок к бочке и закончив полив, быстренько пробегаю с включенным чутьём между растений. На этот раз всяких гусениц, жуков и грибков, которые пытались бы сожрать мой урожай, видно не было. Замечательно. А то пришлось бы их со мной в лес тащить. Не убий, как говорится...

Вернувшись домой, я быстренько подготовился к предстоящему походу. Так как в чащобу я лазаю постоянно, то “набор” у меня всегда “на выходе”: высокие сапоги, плотные штаны, куртка из кожи какой-то кракозябры камуфляжной расцветки (причём цвет этот — её родной), рубаха из местного хлопка, пояс, платок, чтоб спрятать волосы, и рюкзак с ножом. Дождя быть не должно, так что обойдёмся без плаща с капюшоном.

Одевшись и взяв немного провизии на перекус, задумчиво окидываю потолок и полочки с травами и кореньями. С недовольным цыком отмечаю, что запасы-то кончаются! А ведь ещё в город скоро идти придётся — одежда и обувь жать стали. Кажется, придётся опять лезть вглубь...

Вздохнув, достаю с полки “дополнительное оборудование” — банку мёда и пару небольших пучков трав, один из которых хранится в плотно закупоренной колбе. Надеюсь, что этим натираться мне не придётся — убойный запах отпугивает не только зверей, но и меня. Мало того, что отмыться от этого амбре крайне трудно, так оно ещё и настолько сильное, что слезу выбивает. Так что эта трава — крайняя мера. Мёд — первая.

Бодро выбежав из дома и закрыв дверь на навесной замок(довольно смешная защита, учитывая, что у меня окна есть. Но так хоть искушение своровать поменьше будет), бегу в дом старосты. Здороваясь по пути с селянами, уже вовсю хлопочущих по хозяйству, размышляю — куда идти в первую очередь? Проверить пока ещё не зацветшие травы на продажу или пополнить запас каждодневных? Сразу идти в пасть дракону, чтоб потом расслабленно закончить в безопасной зоне? Или наоборот: сначала попроще, а потом — потяжелее? А, доверюсь интуиции. Как и всегда.

— А, это ты, Ичия! Доброе утро, — открыв дверь, воскликнула улыбчивая старушка. — Проходи, мы как раз завтракать собирались.

— Не, баб Рико, я уже позавтракал, — отмахиваюсь от такой чести, не хватало ещё стариков обедать. Они и так меня, считай, с пелёнок взрастили, даже к моей “сути” отнеслись относительно спокойно. — Я сейчас в лес пойду, вам чего надо?

— Опять в глубь пойдёшь? — Нахмурившись, поняла женщина. — То, что тебя зверьё местное не трогает, не значит, что стоит постоянно туда лезть!

— Увы, надо, — пожимаю плечами, безмолвно извиняясь. Этот разговор в разных вариациях у нас постоянно происходит. Приятно, когда о тебе кто-то заботится. В той жизни ценность подобного я осознал, только когда повзрослел. Эх... — Так что принести? Мазь для спины деда Акайо ещё осталась? Маклюра созреет только в середине осени, а календула начнёт цвести в начале лета, но остальное можно и сейчас собрать!

— Так весна же ещё, что ты там собирать будешь? — ответила мне “ребёнок жасмина”. Честно говоря, не понимаю желание фиорцев пихать названия цветов повсюду. Ещё и эти иероглифы...

эх. Хорошо, что сейчас в Фиоре государственным языком является что-то, отдалённо напоминающее английский. К сожалению — псевдо-японский тут тоже себя хорошо чувствуют. Как так вышло — в деревне не ведают.

Меня вот умудрились “одной ночью/вечером” окрестить — по времени суток, когда меня нашли. Акайо, он же “умный человек”(слава богу, на этот раз без цветов!), частенько шутил, что в будущем я девок “на ночь” буду таскать. Старый бармалей. Седина в бороду, а всё туда же.

— Найду, — уверенно ответил ей. — Так что?

— М-м-м, разве что те листья, которые ты неделю назад приносил, — задумчиво промычав, ответила старушка. — После них так хорошо спится... — улыбнувшись, пояснила она.

— Понял, — кивнул я, — там целая полянка с ними, да и по пути как раз. К вечеру вернусь! А, и деду привет! — убегая, прокричал я.

— Будь осторожен! — донеслось мне в спину.

Деревня, в которой я живу, находится у подножия горной гряды, что разделяет Фиор с Севером. Ближайший городок находится часах в пяти пешего шага — там живут шахтёры с семьями. Утром их отвозят на рудники далеко в горах, где добывают лакриму, после чего город “вымирает”. Только вечером, когда добытчики возвращаются, поселение оживает. Пик “жизни” приходится на выходные и праздники, когда люди со всех соседних деревень собираются здесь на ярмарку.

Кстати, скоро будет “Праздник Цветения” — общефиорский фестиваль, связанный с приходом весны. Учитывая довольно мягкий климат и плодородную почву, в Фиоре цвести начинает всё очень рано. В некоторых областях даже зимой снега не видать, и трава зеленеет. Не настолько же активно, как летом, но всё же... Но это южнее, здесь зима снежная, да и с гор периодически холодный ветер дует. Растения тут тоже приспособились, причём местная фауна не только по пути “вечнозелёных” пошла. Природная магия, маги-экспериментаторы, разумные монстры, духи и боги — всё это значительно обогатило местный эволюционный парк.

Итак, весенний фестиваль. На моё счастье “любование сакурой” тут не появилось, хотя похожие растения встречаются. Благодаря климату весной тут много чего цветёт, даже в таких северных регионах Фиора. Праздник имеет цветочную тематику и символизирует начало новой жизни. С ним связано много интересных традиций, но об этом позже. Лишь уточню, что некоторые виды растений в неделю до празднества потянут на очень неплохую денюжку... Даже обычные, но красивые и ароматные цветы можно будет продать! Причём, в чащобе есть очень интересные экземпляры, которые даже искать особо не нужно. Но специально за ними лезть не стану: увижу по пути — выкопаю, нет — значит, нет. Если уж совсем по деньгам туго

станет, то, конечно, придётся, но пока время терпит. С корешков и цветков, из которых антипохмельную микстуру варят, можно куда большие барыши получить. А с тех трав, что в настойках используют — озолотиться. Вот только не один я такой умный...

Но об этом потом. Раз нужно принести старикам “сонные листья”, то придётся лезть довольно глубоко. И мёд мне тогда точно понадобится.

Выбежав из деревни я споренько пошагал в сторону горы. Придётся идти коротким, но и самым опасным из-за живности путём.

— Блин, солнце, а ты-то туда как залезла? — удивлялся я, смотря на огромную гусеницу, застрявшую в лопухе. Дурёха почему-то решила прогрызть лист в центре насквозь и попытаться через дырку пролезть. Как итог — она там застряла.

— Мда, — отпрыгнув подальше от вытянувшейся гусеницы, что щёлкнула жвалами в мою сторону, воскликнул: — Только без рук! Я вообще-то помочь пытаюсь.

Однако у трёхметровой гусеницы на этот счёт было другое мнение. Я уже говорил, насколько я люблю этот лес? Огромная гусеница, свисающая с древовидного лопуха — это ещё цветочки. Она меня хотя бы не хочет сожрать...

“... Или хочет?” — размышлял я, наблюдая, как личинка пытается дотянуться до моего лица жвалами. Она в принципе десятилетнего меня на двое может перекусить... такими-то аргументами. Но увы — расстояние не то. Лист находится на высоте этажа так четвёртого, сама гусеница длиной метра три... И всё же я в сторонке постою, а то вдруг какой гадостью плюнет? Кто их, этих гусениц-мутантов знает.

Знаете, меня радует и, в тоже время, пугает тот факт, что я до сих пор не видел пауков. Не обычных, а вот таких — огромных. Сами посудите: гусеницы трёхметровые есть, а, значит, кто-то ещё мог вырасти такой же машиной. В этом мире “Прогулки с чудовищами” можно прямо так снимать на камеру, а сюжет о мезозое — конкретно в этом лесу. Гигантских стрекоз — меганевр — ещё видеть не доводилось, но вот слышать — приходилось. Усиленные в десятки раз хлопки крыльев стрекозы меня пару раз очень сильно напугали: стрекозы — хищники. Быстрые, манёвренные, наблюдательные... Но пока обошлось — моё знакомство с членистоногими закончилось на гусеницах.

До сих пор не понимаю, что этих бледно-зелёных слоняй должно жрать. Надеюсь — никогда не узнаю. Ибо ту же осу-наездницу я боюсь больше пауков...(П.А: скажем так — создатели “Чужого” скорее всего вдохновлялись этим милым насекомым. Она любит откладывать яйца в живых гусениц, чтоб вылупившиеся личинки её жрали изнутри. Вид, который делает то же, но с пауками, ещё более жуткий — их личинка захватывает мозг носителя и управляет им,

пожирая).

— Так, — пробурчал я, роясь в рюкзаке, — сейчас посмотрим, что можно сделать. Тут где-то канат был... Сделаем лассо и поиграем с тобой в “Дикий Запад”! — Поведал я свой план гусенице, что угрожающе щёлкала в мою сторону жвалами. Ничего-ничего, и тебя вылечим!

— Ла-а-адно, — протянул я, глядя на перекушенную верёвку, — это я погорячился, да.

Гусеница была не настроена на спасение. Даже тогда, когда удалось закрепить лассо на её передних лапках, она просто извернулась и разгрызла верёвку. Все остальные мои попытки помочь — тоже увенчались провалом. Гусеницы могут быть очень гибкими, если захотят. Зелёная зараза просто начинала раскачиваться из стороны в сторону и выгибаться, стараясь достать меня. Тот факт, что между нами метров шесть — её не смущал, что очень нервировало меня. А вдруг она, выгадав момент, кислотой плюнет? Или “Гетсугу Теншо” жвалами запустит? Как-то я надеялся на более спокойное отношение к спасителю. — Хорошо, пойдём другим путём, — пробормотал я, переводя взгляд на ствол лопуха.

Скинув рюкзак и по широкой дуге обойдя “зелёного слоника”, подхожу к растению. Стебель у него похож на то, что можно было увидеть и в моём мире — мясистый такой, с “рёбрами”. Кору, как у тех же древовидных папоротников, не имелось, да и зачем? Внешняя оболочка была достаточно твердой, чтобы даже вечно-голодные гусеницы обходили её стороной, довольствуясь листьями.

Начать восхождение мне пришлось, пробравшись к корню, откуда и рос главный стебель. Закрыв глаза, успокаиваю дыхание и сосредотачиваюсь на ощущениях своего тела. Глубоко “проваливаться” мне не нужно, достаточно просто прочувствовать “внутренний цикл”. Даже это простое действие здорово “баффает” организм. Гнуть стальные пруты и камни пальцами дырывать это мне не позволит, но просто сделать тело легче и “открытее миру” — вполне. А если ты открыт миру, то и влияния у вас друг на друга больше...

Вздохнув и уцепившись руками за выпирающие “рёбра”, начинаю аккуратно лезть вверх. Размеренно, не спеша, следя за циклами дыхания: на вдохе тянусь, перемещаю руки и ноги, вытаскивая себя вверх, а на выдохе — замираю, словно становясь тяжелее и прирастая к “дереву”. Казалось бы, что такой способ должен, наоборот, затрачивать много сил, верно? Ответ — нет.

Большая “открытость миру”, “созвучность с ним”, позволяет устанавливать более плотное... хмм, общение? Обмен? Взаимодействие? Единение? Трудно объяснить, но практик словно “подключает” свою душу к Душе Мира. Помню, читал ещё в том мире одно крайне интересное произведение — “Алхимик” П. Коэльо. Был там момент, описывающий этот процесс. Как там было?

“Душа Мира питается счастьем человеческим. Счастьем, но также и горем, завистью,

ревностью. У человека одна-единственная обязанность – следовать своей Судьбе до конца. В ней – всё. И помни: когда ты чего-нибудь хочешь, вся Вселенная будет способствовать тому, чтобы желание твое сбылось.”

Вот! Сейчас я очень-очень хочу залезть на тот лист лопуха и помочь придурковатой гусенице. “Открывшись”, я сделал своё желание более “ярким” и “заметным”, наделил его “весом”. Поэтому сейчас мне “помогает” и лопух, и “ветер”, и эфир в воздухе, и солнце... и даже сама гусеница, которая перестала трепыхаться. Умничка.

Добравшись до нужного черенка, осторожно перелезаю на него и на карачках ползу дальше — к листу. Чувствую себя хамелеоном — они также “тихоходят”. Добравшись до гусеницы, оцениваю вид: её туловище немного “смялось” под собственным весом, образовав эдакую капельку или пробку. Ситуации не помогали и лапы, которые тоже не давали “слонярке” проскользнуть.

— Я смотрел слишком много хентая, — покачав головой, усмехаюсь своим мыслям. Да, застрявшая в листе мадам, и “добрый прохожий”, решивший воспользоваться её беззащитностью... Чего только в голову не придёт?

Обойдя тушку по кругу, на всякий случай не подходя к ногам, делаю вывод — придётся надрезать лист. Близко к брыкающемуся туловищу. Эх. Достав нож, делаю несколько радиальных надрезов к гусенице — там, где она меня лапками не достанет. Хотя то, что я делал, больше было похоже на пиление — мякоть у лопуха жёсткая, проткнуть можно, а вот резать проблемно. Гусеница затрепыхалась активнее, раскачивая лист, что только усложнило мою работу. К счастью, “открыться миру” удалось вовремя, прилипнув к лопуху, так что зелёная сосиска не сумела устроить мне очень несчастный случай с падением.

Словно геккон, на пузе подползя к извивающемуся телу, допиливаю мембрану листа, благодаря чему гусеница начинает скользить вниз. Однако, радость моя была недолгой — лапки стали тем камнем преткновения, что отделял “слоняру” от свободы. Они, блин, не пролазили!

— Всё потому, что кто-то слишком много ест! — сделав эту пародию на Кролика из Винни-Пуха, даже пальчиком помахав для достоверности, начинаю толкать зелёную задницу.

Гусеница толкалась, раскачивалась и извивалась, но толку с этого не было. Плонув на осторожность, подползаю к той стороне, на которой у неё есть ноги. К счастью нижние пары двигаться не могли, будучи прижатыми туловищем к листу, а попасть верхними у вредного насекомого не получалось. Но она старалась! Это было видно.

На листе появилось ещё несколько надрезов, но гусеница всё ещё не могла упасть. Но я чувствовал — осталось совсем чуть-чуть!

— Будешь должна, сосиска зелёная, — шлёпнув гусеницу по заднице, пробурчал я. Вздохнув и снова войдя в режим “открытости”, взбираюсь по раскачивающейся спине вверх.

— Ну, с Богом, — перекрестившись, сидя на ... крупу? Или это только у лошадей? В общем, перекрестившись на крупу гусеницы, подгадываю момент, чтоб сосиска не помешала мне максимально высоко подпрыгнуть. Уже в прыжке, на излёте, переношу весь фокус своего внимания на гусеницу. Должно помочь...

В момент приземления со всей невеликой силы толкаю ногами зелёную тушу. Послышался громкий “ЧАВК”, с которым оторвались несколько кусков листьев, и испуганный “В-И-И-и-и-и”, который довольно быстро удалялся. Я же был занят тем, что спасал свою жизнь — хитина у меня нет, так что падение с высоты четырехэтажного дома меня как минимум покалечит. Проверять, спасёт ли “открытость” — узнавать не хочу.

С трудом уцепившись за “перемычку”, и скользя ногами по разорванным краям листа, мне всё же удаётся выкарабкаться.

— Фух, это было близко, — смахивая рукавом пот, выдохнул я. Глянув вниз через дыру, кричу:
— Ты там как, толстушка?

Гусеница тем временем встала и, задрав голову, угрожающе щёлкнула жвалами. Подумав, та всё же решает, что на сегодня высоты с неё хватит. Развернувшись ко мне спиной, та бодренько поползла вперёд.

— Пожалуйста! Обращайся! — весело помахав на прощанье, кричу вдогонку. — Хотя, знаешь, лучше не стОит!

Вздохнув, начинаю ползти назад. На этот раз спуск был сложнее, так как ботинки у меня были перепачканы в скользком растительном соке. Но ничего, справился. Внизу же меня ждал сюрприз...

Я сидел на корточках и смотрел перед собой. Перед мной лежал потрёпанный рюкзак... мой рюкзак. Рюкзак, по которому всласть потопталась одна упитанная гусеница. Рюкзак, в котором были банка с мёдом и колба с очень пахучей травой. Стекланные. Были.